

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-423-438

Научная статья

Аксиологические концепты «жизнь» и «смерть» в китайской языковой картине мира

Сыци Люй, Е.В. Полякова

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 lvsiqi@mail.ru

Аннотация. Рассматривается концептуальная диада «жизнь-смерть» с позиции представителя китайской лингвокультуры, стремящегося войти в новое для себя культурное пространство — так называемый русский мир. Гипотеза исследования состоит в том, что носитель инокультурного языкового сознания обладает уже сформированной когнитивной базой, которая становится контрастивным фоном для восприятия новой языковой реальности. Анализируется культурный контекст, позволяющий эксплицировать семантику указанных концептов в китайской языковой картине мира, проведен эксперимент с референтной группой, позволяющий объективировать их актуальные значения. Суть эксперимента состояла в работе рецептивной группы с прецедентными текстами, которые содержат в своем семантическом поле концептуальное ядро «жизнь» / «смерть» либо «жизнь-смерть». Прецедентные тексты — обязательные форманты когнитивной базы этноса. Мы стремились получить реакции на наиболее рекуррентные реакции на указанные стимулы, чтобы дифференцировать концептуальные признаки диады. Результатом эксперимента стала выборка прецедентных текстов, прокомментированная рецептивной группой. Обобщив эмпирические данные, мы пришли к выводу, что для носителя китайского языкового сознания концепты «жизнь» и «смерть» представляют собой онтологическое единство с соответствующим набором характеристик: Дао, великий срединный путь, судьба, счастье. Кроме того, были определены лингвоэтнические эталоны: «благородный муж» и «совершенный мудрец».

Ключевые слова: концепт, диада, жизнь, смерть, китайская языковая картина мира, эксперимент

История статьи: поступила в редакцию 03.04.2022; принята к печати 04.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Люй Сыци, Полякова Е.В. Аксиологические концепты «жизнь» и «смерть» в китайской языковой картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 423–438. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-423-438

© Люй Сыци, Полякова Е.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Axiological Concepts “Life” and “Death” in the Chinese Language Picture of the World

Siqi Lu, Elena V. Polyakova

Peoples' Friendship University of Russia,
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, 117198, Russian Federation
 lvsiqi@mail.ru

Abstract. The authors of the article consider the conceptual dyad “Life-Death” from the position of a representative of the Chinese linguistic culture, seeking to enter a new cultural space for themselves — the so-called “Russian world”. The hypothesis of the study is that the carrier of a foreign cultural linguistic consciousness has an already formed cognitive base, which becomes a contrasting background for the perception of a new linguistic reality. Within the framework of the article, the authors analyzed the cultural context, which makes it possible to explicate the semantics of these concepts in the Chinese language picture of the world, and also conducted an experiment with a reference group, which made it possible to objectify their actual meanings. The essence of the experiment was the work of a receptive group with precedent texts that contain in their semantic field the conceptual core “Life” / “Death” or “Life-Death”. Precedent texts are obligatory formants of the cognitive base of an ethnos. We sought to obtain the most recurrent responses to these stimuli in order to differentiate the conceptual features of the dyad. The result of the experiment was a selection of precedent texts, commented on by the receptive group. Summarizing the empirical data, we came to the conclusion that for the bearer of the Chinese linguistic consciousness, the concepts “Life” and “Death” represent an ontological unity with the corresponding set of characteristics: Tao, the great middle path, destiny, happiness. In addition, linguo-ethnic standards were identified: “noble husband” and “perfect sage”.

Key words: concept, dyad, Life, Death, Chinese language picture of the world, experiment

Article history: received 03.04.2022; accepted 04.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Lu, S., Polyakova E.V. 2022. “Axiological Concepts Life and Death in the Chinese Language Picture of the World”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 423—438. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-423-438

Введение

У лингвокультурологии сегодня немало сторонников и противников. Последние отказывают ей в статусе науки, настаивая, что разработанные в ее рамках эпистемы не верифицируемы. Можно ли установить связь между языком и мышлением, доказать взаимную корреляцию этих феноменов, обосновать (как это делает А. Вежбицкая), что в самом грамматическом строе языка, его синтаксисе и этноспецифической лексике заложен уникальный *modus vivendi* того или иного народа?

Однако разработки новейшего времени дают нам убедительные ответы на поставленные вопросы. Так, лингвист Г. Дойчер пишет: «Реальное воздействие род-

ного языка формирует привычки, которые развиваются посредством частого использования определенных способов выражения. Понятия, с которыми мы обучены обходиться как с разными, информация, которую наш родной язык вынуждает нас передавать, детали, к которым он требует от нас внимания, и повторяющиеся ассоциации, на которые он нас наводит, — все эти речевые привычки могут переходить в привычки мышления, что значит гораздо больше, чем знание языка как таковое» [1. С. 295].

О языке как «духе народа» писал еще В. фон Гумбольдт; этот тезис стал для современной лингвистики аксиоматическим. Большое значение для подкрепления научного базиса лингвокультурологии имеют изыскания Г.Д. Гачева, который пишет о национальных образах мира, порожденных культурами разного типа — ургийной и гонийной. В первом случае это культуры, созданные целенаправленными действиями коллектива по освоению пространства; во втором — культуры «стихийные», порожденные теми климатическими и географическими особенностями, которые диктуют сообществу способы вживания в окружающий мир [2]. По мнению ученого, каждая культура несет в себе Психею — уникальную душу, самобытность которой заложена самой природой бытования этноспецифического коллектива.

О том, что «Психея» как дух народа незримо присутствует в языке, свидетельствуют огромные корпуса текстов — это и паремиологические фонды языков, и язык художественной литературы, и узуальный дискурс, внутри которого циркулируют одни и те же языковые элементы, ежедневно отбираемые носителями языка в речевой практике. На материале обширного лексического фонда языка становится возможным реконструировать базисные концепты культуры: они отличаются рекуррентностью, ретранслируемостью, тесно связаны с архетипическими первоосновами культуры. Под архетипами мы подразумеваем воспроизводимые из поколения в поколения паттерны коллективного бессознательного, обладающие универсальным содержательным ядом и этноспецифической ближней и дальней перифериями. К таким базисным концептам мы относим и дихотомию «жизнь — смерть».

В строгом смысле это концепт-гипероним: его гипонимические корреляты очень многообразны и выходят далеко за пределы дериватологических цепочек. Так, концепт «жизнь-смерть» может быть реконструирован (хотя и под знаком астериска) из широкого культурологического контекста, где однокоренные репрезентанты его вербального воплощения вовсе не будут представлены. Тем не менее на уровне герменевтического комментария установить их — реальная задача. Попытаемся продемонстрировать это на уровне текстов, в которых указанный концепт-дихотомия представлен имплицитно или эксплицитно.

Обсуждение

Языковая картина мира в китайской лингвокультуре: установочно-предпосылочный этап

В процессе погружения в инокультурное пространство с позиции аутсайдера, т.е. человека, чья языковая личность сформировалась на базе другой языковой и

культурной действительности, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью адаптировать имеющийся у нас когнитивный фонд к реалиям другой лингвокультуры, обладающей собственной спецификой. Языковая личность (модель которой разработана Ю.Н. Карауловым) [3] представляет собой взаимодействие трех уровней, каждый из которых определенным образом аккумулирует, структурирует и транслирует знания человека о мире: вербально-семантический, концептуальный и собственно прагматический. Каждый из этих уровней формируется в процессе социализации индивидуума и детерминирован той лингвистической и культурной средой, которая является для личности коммуникативным контекстом ее бытования. Следовательно, ее изначальный индивидуальный тезаурус, идиоконцептосфера и базовый прагматикон так или иначе обусловлены языковой картиной мира, свойственной определенной лингвокультуре.

Языковая картина мира — это запечатленное в системе языка видение всего сущего, где видение, как справедливо подчеркивает О.А. Корнилов, включает три понятия: логическое осмысление, чувствование и оценивание [4. С. 140]. Национальных языковых картин в мире существует столько же, сколько и языков. Каждая из них является продуктом многовековой коллективной работы этнического сознания над осмыслением и категоризацией бытия и связана со многими экстралингвистическими факторами, в том числе способами вживания этноязыкового коллектива в окружающий мир, его природно-климатический контекст.

В процессе освоения реальной действительности этнос вырабатывает определенные представления о мире, аксиологические ориентиры, уникальную телеологию, предписания и запреты, эталоны и сценарии поведения — в том числе коммуникативного.

Вербализованные в ЯКМ знания о мире становятся своего рода «навигационной картой» этноса, которая входит в когнитивную базу коллектива естественно и воспринимается как правильная, органичная система координат, которой целесообразно руководствоваться в дискурсивном пространстве. Однако для истинного понимания специфики собственной лингвокультуры зачастую необходима позиция «внеаходимости» (по М.М. Бахтину), наличие дистанцирования от своего путем его осмысления через другое. Вот почему в современной науке о языке компаративный метод в изучении различных ЯКМ видится как наиболее продуктивный.

Изучение другого языка (в нашем случае русского) предполагает не только освоение его системно-структурных особенностей, но и вовлечение ЯЛ в новое культурное пространство, а иногда и формирование вторичной языковой личности.

Как мы упоминали выше, представитель иной культуры (например, китайской) входит в новое коммуникативное поле по принципу “*omne a meo mecum porto*”: он является носителем уже сформированной когнитивной базы и эритажного фонда собственной лингвокультуры, которая становится естественным фоном для восприятия инокультурных реалий. Таким образом, изучение русского языка становится для него не только инкультурным, но и межкультурным процессом.

В современной психолингвистике установилось мнение, что межкультурная коммуникации априори невозможна: адресант и адресат обладают разным на-

бором базовых знаний о мире, в результате чего взаимопонимание недостижимо. Тем не менее межкультурная коммуникация — дискурсивная реальность новейшего времени. Несмотря на то, что полная коммуникативная кооперация нуждается в существенном количестве экспланаторных знаний, эта кооперация возможна, хотя и затруднена.

Концепт «жизнь-смерть» в китайской языковой картине мира

Картина мира — одна из древнейших проблем гуманитарной науки. Лингвистика пытается решить ее в «языковом ключе», указывая на идиоматичность, конитивно-прагматические параметры, мотивированность устойчивых выражений языковой картины мира. Под идиоматичностью подразумевается не только использование зафиксированных в системе языка выражений, но и поговорки, метафоры и прочие структуры, утратившие актуальную внутреннюю форму.

Понятия «картина мира» и «языковая картина мира» находятся в комплементарных отношениях; оба они имеют когнитивную природу: в этом смысле языковая картина мира не становится простым «слепок» с действительности, следовательно, она не может рассматриваться как формальный атрибут картины мира как более широкого понятия.

Как мы отмечали выше, язык — не оболочка мысли, но деятельность духа. По мысли Л. Вайсгербера, язык необходимо изучать и как силу «в действии», трансформирующую реальность, и как знаковую систему, хранящую в себе архетипические рудименты в современной картине мира. Язык интерпретирует мысль, но вместе с тем генерирует ее чувственные и ассоциативные первосмыслы, обогащая ценностное пространство самой культуры. Концепты, формирующие КМ, двуедины:

- экстралингвистические их параметры воспринимаются сквозь призму языка;
- фразеологические единицы, которые служат репрезентантами внеязыковых реалий, атрибутируют абстрактную сущность познания чувственным компонентом (семиотический подход к проблеме референции).

Атрибуция играет в формировании ЯКМ существенную роль: она достраивает признаки объектов, недоступные прямому восприятию.

Язык — способ существования сознания, ведь человек «включен» в мир словесного. Принято мнение, что каждому естественному языку соответствует своя аутентичная картина мира — совокупность представлений о реальности, исторически сложившаяся в сознании этноколлектива и влияющая на восприятие мира.

Термин «языковая картина мира» был введен Л. Вайсгербером. Это система духовных и языковых «содержаний», многоуровневая и структурированная. ЯКМ динамична, адаптивна, она существует в относительно гомогенном самосознании этноса и транслируется последующим поколениям через мировоззренческие установки, правила поведения, запечатленные в языке. Следовательно, она обладает преобразующим потенциалом, так как формирует представления коллектива о мире через язык как «промежуточное» пространство между психикой и реальностью. Посредством слова происходит переход образа предмета в понятие о предмете.

Сейчас мы попытаемся погрузиться в уникальное мироощущение китайского народа, который осмысляет категории жизни и смерти особым образом, отличным от европейского модуса восприятия. Китайская культура антропоцентрична. В ее центре находится человек — но не как обособленный индивид, изолированный от общества, а как элемент гармонизированного миропорядка, имеющий непосредственную связь со всем сущим.

Жизнь человека — это постепенное «собрание», обживание и освоение пространства. Китайцы в определенном смысле руководствуются наивной картиной мира. Они полагают, что небытие есть название начала неба и земли, а бытие — название матери «десяти тысяч вещей». Среди этих «десяти тысяч вещей» особое место принадлежит человеку — буквально «человековещи», обладающей Разумом и потому стоящей над прочим объектным миром. Пространство, согласно мифологическим воззрениям китайцев, было «собрано воедино»: об этом рассказывает миф о Паньгу и Нюйве.

Изначально существовал только великий бесформенный Хаос (Хунь Дунь). Не было ни Неба, ни Земли; в первозданной тьме блуждали лишь неявленные образы до-бытия. Трактат «Хуайнань-цзы» рассказывает нам о том, как Хаос породил двух божеств — Паньгу и Нюйву. Примечательно, что этот процесс актуализирован в этноспецифическом концепте «кайпи», что в переводе на русский язык означает «отделение»: небо и земля существовали в Хаосе нераздельно, как содержимое куриного яйца. Внутри этого слиянного пространства и зародилась жизнь. Ее воплощением стал великий Паньгу — порождение сил Инь и Ян. Восемнадцать тысяч лет рос Паньгу; в течение этого времени увеличивалось расстояние между небом и землей. Увидев, что отделение произошло, Паньгу умер, но *смерть* его ознаменовала начало новой *жизни*: дыхание божества стало ветром и облаками, голос дал силу грому, левый глаз засиял солнцем, правый — луной. Тело Паньгу образовало все четыре стороны света и великие горы; реки разлились по миру из крови Паньгу, а вены его превратились в дороги. Плоть породила почву и все растущие из нее деревья; волосы стали звездами, волоски — травой и растениями. Кости и зубы превратились в камни и металлы, пот — в дождь и росу, костный мозг — в жемчуг и нефрит. Жившие на теле Паньгу паразиты стали людьми. Когда Паньгу открывал и закрывал глаза, установилась цикличность времени.

Согласно второй версии мифа, Паньгу был порождением пяти первоэлементов мира; он сотворил землю и небо своим резцом.

Создательницей всех вещей и людей считается прародительница Нюйва — полуженщина-полузмея. Она выступает в архаических мифах истинным демидургом: чинит обвалившийся небосвод и подпирает его ногами гигантской черепахи; останавливает великий разлив рек с помощью тростниковой золы; лепит из глины первых людей и устанавливает для них древнейшие ритуалы.

Как видим, *жизнь* и *смерть* в данных мифах являют собой не только неразрывные процессы: они в определенном смысле становятся антиномией пассивного и активного творения.

Жизнь есть бытие во времени. В китайской культуре время неразделимо с категорией пространства; оно подобно тропинке в прошлое, которая протоптана всем человеческим родом, и в этом отношении ретроспективно и релятивизиру-

ется движением человека на *пути жизни*. Идущие впереди уходят в прошлое, наблюдающий в моменте тут-бытия обращен к прошлому лицом. Одно поколение сменяет другое, следующее за ним. Этот процесс объективирован выражением «волна позади подталкивает волну впереди». Историческая модель времени у китайцев повернута в другом направлении. Спереди находится пройденный путь предков, на который обращен взор китайца. Будущее, следовательно, лежит вне поля его зрения. Китайцы рациональны в своем мышлении, благодаря аморфности и дискретности знаковой системы в отношении как формы, так и звучания. Поэтому их семантическая система отличается высокой степенью прагматизма, выражающегося в избирательности маркировки [5].

Человек в китайской культуре — единственное существо, обладающее активным началом: он может занимать любое положение в пространстве по своему усмотрению. Все остальное бытийствует «само по себе» либо так, как определено человеком.

Жизнь человека неизменно регулируется системой этических норм: «Да сюэ», «Чжуньюн», «Луньюй», «Мэнцзы». Это принципы жизни, восходящие к Четверокнижию. Они определяют поведение людей, их обязанности, и детерминированы двумя признаками: возраста и субординации. *Жизнь*, согласно Четверокнижию, есть бесконечный путь самосовершенствования. Любой член общества должен пройти все стадии становления «благородного мужа», включающие:

- ge wu (понимание архитектоники мироздания и умение классифицировать объекты действительности);
- zhi zhi (стремление к познанию и самопознанию);
- cheng xin (воспитание в себе высших нравственных качеств, «искренности сердца»);
- xiu shen (самосовершенствование, ведущее к единству в семье, порядку в государстве и умиротворению).

Junzi — благородный муж — является этическим героем в китайской национальной картине мира. Его прямой антипод — xiao ren (букв. мелкая душа), человек, нарушающий принципы морали и этики.

Благородный муж наделен добродетелями, он идет «путем золотой середины», обеспечивая гармонию в обществе и природе. «Мелкая душа» следует по пути «выгоды».

Junzi не злоупотребляет своим положением: он полагает, что должен ценить дары жизни, которую следует воспринимать путем «середины и гармонии». Xiao ren по натуре дерзок, не довольствуется малым, не воспринимает запретов и нарушает порядок вещей. Модель этического идеала китайцев — sheng ren, «совершенного мудреца» — воплощена в личности Конфуция.

Примечательно, что этика в Китае предшествовала религии. Религия пришла туда с Запада и Востока (из Индии). Государственная идеология базировалась на принципах конфуцианства. Реконструкция его этической модели (влияющей на языковое сознание китайцев) связана с реконструкцией семантики базовых категорий: это гуманность, справедливость, преданность, почтительность, мудрость и доверие. Данные категории входят в иероглифические наборы «пяти постоянств» и «шести покорностей». Концепт «жизнь» в китайской ЯКМ тесно связан с со-

циальными отношениями, которые являются сутью гармоничной архитектоники мироздания. Об этом свидетельствуют выражения «Благородный муж почитателен со всеми и не допускает промахов», «В пределах четырех морей все люди братья», «Великодушие и всепрощение — добродетели».

Конфуцианство связано с необходимостью познания человека, разграничения истинного и ложного, добра и зла в системе этических принципов, воплощенных в этикете. Этикет — это система установления цивилизованных отношений между людьми. Он базируется на культе Неба и предков, раскрывая сущность «пяти постоянств» — гуманности, доверия, справедливости, этикета и мудрости. Так, *смерть* во имя верности считается в китайской ЯКМ достойной: «Служа правителю, будь готов отдать за него жизнь»; «Жена должна быть готова погибнуть, сохраняя верность своему мужу».

Конфуций считал, что каждому человеку должна быть отведена своя роль в жизнеположении государства — правителю надлежит вести себя, как правителю, отцу — как отцу, сыну — как сыну. Только так может быть восстановлен порядок в Поднебесной. Важнейший принцип учения Конфуция — гуманность; он эксплицитирован в выражении «Живи сам и давай жить другим».

Конфуцианская культура считается ядром традиционной китайской ментальности. Конфуцианское учение именуется жу-сюэ (儒学). Изначально иероглиф жу (儒) предназначался для определения особого общественного класса, который исполнял установленные обряды и церемонии; его члены нередко были служителями культа. Позднее он стал использоваться для определения класса интеллигенции и ученых-конфуцианцев.

Особое внимание уделяется принципу гуманности Жень 仁, который считается высшим этическим стандартом и ключевым моральным принципом оценки межличностных отношений [6. С. 37]. «У великодушного человека будет большое счастье, у человека с широкой душой будет дальняя дорога» (量大福大, 心宽路宽), «Отпусти руку, когда придет время отпускать, прости человека, когда придет время прощать» (得放手时须放手, 能饶人处且饶人). Последнее выражение призывает к прощению людей во имя сохранения собственного гуманного облика. Другой ключевой принцип конфуцианства — 礼, этикет, основа стабильного государства. «Один исполняет свой моральный долг три раза, а другой отдает подношения семь раз в ответ» (人敬三分礼, 还人七分情), «Отвечай добром на добро» (礼尚往来).

Представления китайского народа о жизни и смерти базируются на конфуцианской концепции 天人合一 (Гармония человека и природы).

Жизнь человека должна протекать в гармонии между срединным (человеческим) и высшим (божественным). Мироощущению китайцев свойственна определенная провиденциальность. Об этом свидетельствуют пословицы 谋事在人, 成事在天 (Человек планирует, но результат не зависит от его усилий), 人算不如天算 (Человек предполагает, а Бог располагает). Представители раннего конфуцианства полагают, что вся человеческая жизнь, включая рождение, взросление, старение, смерть, а также ее «контекст» (богатство или бедность) определены свыше.

Обобщая сказанное, отметим, что концепт «жизнь» в китайской ЯКМ есть следование срединному пути, он основывается на следующих скриптах (предписаниях):

- гармония Поднебесной не должна быть нарушена, поэтому следует сдерживать проявления сильных эмоций;
- необходимо знать свое место, чтобы не нарушить установленного порядка вещей;
- нужно избегать навязывания другим того, что не нравится тебе самому;
- занимая низкую позицию в социальной иерархии, не стоит искать расположения тех, кто «наверху»;
- относиться к жизни нужно как к постоянному самосовершенствованию, не жалуясь на судьбу и не виня других в собственных неудачах;
- жизнь следует рассматривать как процесс познания, повторяя при этом пройденное (эмпирически и гносеологически);
- своего часа надлежит ожидать со спокойствием и достоинством, не «ввязываясь в авантюры»;
- свои идеи можно высказывать лишь в спокойные для государства времена; в смутные времена следует хранить молчание;
- не стоит открыто демонстрировать собственные достоинства: все скрытое становится явным;
- недеяние стоит воспринимать как «высшее действие» [5].

Актуальные репрезентации концепта-диады «жизнь-смерть»

Чтобы реконструировать актуальные представления китайцев о жизни и смерти, мы провели небольшой эксперимент среди студентов Хайнаньского университета. Обучающимся (референтная группа — 13 человек) было предложено назвать прецедентные тексты, содержащие лексемы «жизнь» и «смерть», наличествующие в их когнитивной базе, и сопроводить каждый текст кратким лингвокультурологическим комментарием. Выборку текстов мы представили в виде шкалы по убыванию (квантитативный принцип). На данном этапе мы применяли алгоритм, разработанный В.И. Карасиком [7]:

- дефинирование (номинации «жизнь», «смерть»);
- контекстуальный анализ (актуализация смыслов концептуальной семантики в контексте устойчивых выражений, то есть синтагматически);
- паремиологический (идиоматический) анализ;
- анкетирование;
- комментирование. Комментирующий этап — составление микротекста (тезиса) в процессе дискуссии по принципу синтеза: это суждение, которое «выкристаллизовалось» в процессе обсуждения. Прецедентные тексты снабжены пометой «Комментарий РГ (рецептивной группы)».

不知生，焉知死。——孔子

[Не зная жизни, как мы можем судить о смерти? Чтобы познать состояние смерти, мы должны познать состояние жизни (Конфуций).]

Комментарий РГ

Живя в мире, мы не должны сосредотачивать свое внимание на смерти. Смерть — не только конец нашего существования: это обратная сторона жизни. Каждый день люди живут; каждый день они умирают. Такова диалектика жизни и смерти. В ответе на вопрос «Почему мы живем?» содержится и ответ на вопрос «Почему мы умираем?».

Концептуальные признаки: диалектичность жизни и смерти; принцип взаимовлияния концептуальных понятий, лексически вербализованных номинациями «жизнь-смерть»; гносеологический принцип миропонимания; процессуальность.

生者寄也, 死者归也。——庄子

[Жить — значит временно пребывать в этом мире; умереть — значит вернуться домой и обрести покой.]

Комментарий РГ

Жизнь и смерть подобны солнцу, которое восходит утром и заходит вечером. Жизнь дана нам для постижения этого мира, смерть — для отдыха.

Концептуальные признаки: категория темпоральности (ограниченная процессуальность жизни); семантика двоемирия; потенциальная сема «смерти» — возвращение; коррелятив — дом.

生于忧患, 死于安乐。——孟子

[В тревоге и бедствии человек и государство выживают, в покое и удовольствии — погибают.]

Комментарий РГ

Жизнь требует напряжения и активности. Счастье способно ослабить человеческий дух: процветание ведет к гибели.

Концептуальные признаки: дифференциальные семы поля «жизнь» — выживание, напряжение, борьба; поля «смерть» — покой, комфорт, удовольствие как контекстуальные синонимы.

生当做人杰, 死亦为鬼雄 -----李清照

[Живи так, чтобы стать героем среди людей, умерев, стань героем среди призраков.]

Комментарий РГ

Жизнь должна быть полезна для общества, а смерть должна оставить после себя память.

Концептуальные признаки: коррелятивы «жизни» — полезность, социальный долг, героизм; коррелятивы «смерти» — героизм, память, продолжение жизни в социальной памяти.

宁鸣而死, 不默而生。——范仲淹

[Лучше умереть, выражая свои мысли, чем жить в молчании.]

Комментарий РГ

Мы живем, чтобы выразить себя в этом мире.

Концептуальные признаки: «жизнь» — звучание, выражение, внешняя экспрессия, вербальное, самоактуализация; «смерть» — молчание.

宁进一寸死, 毋退一尺生。——张煌言

[Лучше продвинуться на дюйм и пожертвовать своей жизнью, чем отступить на шаг и жить в унижении.]

Комментарий РГ

Жизнь должна быть достойной; достойная смерть превышает ничемной жизни.

Концептуальные признаки: «жизнь» — движение вперед; «смерть» — движение назад.

有的人活着, 他已经死了; 有的人死了, 他还活着。(臧克家《有的人》)

[Кто-то живет, а он мертв, кто-то умирает, а он все еще жив.]

Комментарий РГ

Некоторые люди в силу своей моральной испорченности влачат бесполезное существование, которое хуже смерти. Но есть люди, чья нравственная жизнь настолько высока, что остается в памяти последующих поколений, обеспечивая им бессмертие.

Концептуальные признаки: «жизнь» — полезность, долг перед обществом, нравственность; «смерть» — бесполезность, моральная испорченность.

人生自古谁无死? 留取丹心照汗青。(文天祥《过零丁洋》)

[Никто не застрахован от смерти, но доброе имя может остаться в истории.]

Комментарий РГ

Истинность жизни — в служении своему народу.

Концептуальные признаки: «жизнь» — память; «смерть» — непредсказуемость.

人固有一死, 或重于泰山, 或轻于鸿毛。(司马迁《报任安书》)

[Смерть может быть тяжелее горы Тай, а может быть легче перышка.]

Комментарий РГ

Смерть измеряется прожитой жизнью.

Концептуальные признаки: полезность/бесполезность жизни и смерти.

生命是可爱的。但寒冷的、寂寞的生, 却不如轰轰烈烈的死。(巴金)

[Жизнь хороша. Но достойная смерть лучше одинокой жизни.]

Комментарий РГ

Жизнь человека зависит от того, сколько пользы он способен принести другим людям. Иногда смерть приносит больше пользы, чем жизнь.

Концептуальные признаки: одинокая жизнь как антиценность; достойная смерть как ценность.

生命的意义在于付出, 在于给予, 而不是在于接受, 也不是在于争取。-- 巴金

[Смысл жизни заключается в отдаче, в даянии, а не в получении и не в борьбе.]

Комментарий РГ

Жить — значит, отдавать другим сокровища своего сердца.

Концептуальные признаки: «жизнь» на базе корреляций — «отдавание», «смысл», «общественная полезность».

使一个人的有限的生命, 更加有效, 也即等于延长了人的生命。(鲁迅)

[Сделать ограниченную жизнь человека более осмысленной — все равно, что продлить жизнь этого человека.]

Комментарий РГ

Жизнь должна быть разумной, а действия человека в ней — эффективными: они должны вести к определенному результату.

Концептуальные признаки: жизнь как «осмысленность», «разумность», «целеполагание».

生而必死, 自然之理。(苏轼)

[Родиться — значит однажды умереть, такова правда природы.]

Комментарий РГ

Нужно жить настоящим и не беспокоиться о смерти раньше положенного срока.

Концептуальные признаки: конечность жизни, естественность, высший миропорядок.

祸与福相贯, 生与死为邻。(刘向)

[Несчастье и счастье идут рука об руку, жизнь и смерть шествуют рядом друг с другом.]

Комментарий РГ

В мире действуют равновесные силы, все едино.

Концептуальные признаки: единство жизни и смерти, диалектичность.

人生一世, 草木一秋。冯梦龙

[Жизнь человека подобна траве от весны до осени, от роста до увядания.]

Комментарий РГ

Все подвержено циклическим изменениям природы, и человеческая жизнь тоже.

Концептуальные признаки: психологический параллелизм¹.

宁鸣而死, 不默而生。——北宋·范仲淹的《灵乌赋》

[Лучше сказать правду и умереть, чем молча украсть чью-то жизнь.]

Комментарий РГ

Эти слова были сказаны Фань Чжунъянем во времена династии Сун. Многие чиновники говорили неправду, чтобы возвыситься в социальной иерархии и добиться расположения правителя, получив выгоду и снискав славу. Это недостойное поведение «мелкой души». Фань Чжунъянь отказался это делать.

生于忧患, 死于安乐。——《孟子》

[Нации выживают в опасности и погибают в удовольствии.]

¹ Далее концептуальные признаки не приводятся.

Комментарий РГ

Беспокойство и страдание побуждают нас жить и бороться, взывая к нашей воле. Комфорт и удовольствия ведут к смерти.

鸟之将死, 其鸣也哀; 人之将死, 其言也善。——《论语》

[Когда птица собирается умереть, ее крик скорбен; когда человек собирается умереть, его слова добры.]

Комментарий РГ

Эти слова имеют важное значение для личного нравственного воспитания и гармоничных межличностных отношений. На смертном одре Цзэн Цзы сказал Мэн Цзинцзы: «Когда человек собирается умереть, его слова должны быть добры.

死生, 天地之常理, 畏者不可以苟免, 贪者不可以苟得。——宋·欧阳修《唐华阳颂》

[Смерть и жизнь — константы между небом и землей, и тот, кто боится смерти, не может избежать ее, а тот, кто жаждет жить, не может получить больше жизни.]

Комментарий РГ

И смерть, и жизнь подчинены законам природы. Никто не может вмешиваться в естественный порядок вещей.

生而为英, 死而为灵。——欧阳修《祭石曼卿文》

[Герой при жизни становится божеством после смерти.]

Комментарий РГ

Хотя форма человека рассеивается после его смерти, его слава помнится будущими поколениями так же, как слава мудрецов древности. Память о погибших героях вечна: она преодолевает смерть.

生死本是一条线上的东西。生是奋斗, 死是休息。生是活跃, 死是睡眠。——现代·郭沫若

[Жизнь и смерть должны находиться на одной линии. Жизнь — это борьба, смерть — это отдых. Жизнь — это активность, смерть — это сон.]

Комментарий РГ

Жизнь и смерть близки друг другу. Человек должен быть не только «существующим» («живым»), но и «оживленным». Неподвижность и сон — это застой, а застой — это смерть.

生死祸福久不择, 更论甘苦争媿妍。——苏轼《和蒋夔寄茶》

[Вы не можете сделать выбор между жизнью и смертью, не говоря уже о том, чтобы спорить о красоте или уродстве.]

Комментарий РГ

Счастье и красота есть величайшие ценности жизни.

平日若无真义气, 临事休说生死交。——施耐庵

[Если наша повседневная жизнь не праведна, можем ли мы говорить о дружбе всей жизни и смерти?]

Комментарий РГ

Дружба всей жизни и смерти — формула идеальных отношений между людьми в Древнем Китае. Пережив взлеты и падения вместе, они могли доверить друг другу как свою жизнь, так и свою смерть. Главной чертой характера человека считалась праведность — именно она выступала ориентиров в межличностных отношениях.

人固有一死, 或重于泰山, 或轻于鸿毛。 —— (西汉) 司马迁

[Смерть человека либо тяжелее горы, либо легче перышка.]

Комментарий РГ

Есть смерть осмысленная и смерть напрасная — все зависит от целей человека.

哀莫大于心死。 —— 《庄子》

[Самое печальное — иметь скучный ум.]

Комментарий РГ

Печальнее смерти — бездумная жизнь.

芸芸众生, 孰不爱生? 爱生之极, 进而爱群。

[Кто из всех существ не любит жизнь? Величайшая любовь к жизни приводит к любви к обществу.]

Комментарий РГ

Любящий жизнь транслирует свою любовь всему живому: от малой любви рождается великая.

死者倘不能活在活人的心里, 那就真真死掉了

[Истинная смерть — быть забытым живыми.]

Комментарий РГ

Есть люди, которые умирают, но продолжают жить в сердцах людей, и таких людей называют духовно живыми и физически мертвыми. Если умерший человек забыт живыми, значит, он действительно ушел из этого мира, то есть умер духовно и физически. В жизни человека есть три смерти: первая — физическая смерть, вторая — смерть окружающих тебя людей, и третья — смерть последнего человека в мире, который помнит тебя. Тогда человек действительно исчезает.

当其贯日月, 生死安足论。 ——宋代文天祥的《正气歌》

[Когда праведность поднимается к небесам и пронизывает солнце и луну, нет нужды говорить о жизни или смерти!]

Комментарий РГ

Когда человек отстаивает свою праведность и бережет свою суть, нет необходимости думать о том, жить или умереть, жизнь и так имеет большой смысл.

苟利国家生死以, 岂因祸福避趋之。

[Если это полезно для страны, мне будет все равно, жить или умереть. Как можно убегать от бедствия и принимать только благо?]

Комментарий РГ

Благо государства стоит личных бедствий.

人生自古谁无死, 留取丹心照汗青。

[Никто не избежал смерти с начала времен. Если вы сможете верно служить своей стране, то и после смерти вас будут помнить в истории.]

Комментарий студента

Жизнь есть служение; служение государству есть достойная жизнь.

Таким образом, концепт-диада «жизнь-смерть» занимает в китайской языковой картине мира особое место. Это концепт-аксиологема, расположенный на высшем уровне ценностной шкалы. Семантическое поле концепта многообразно; в его ядре расположен человек в системе взаимоотношений с Высшим («Небо») и интрасоциальным («Общество»). Жизнь человека представляет собой великий срединный путь (дао), подчиненный закону гармоничного продвижения вперед. Отклоняться от этого пути нецелесообразно; его назначение — воспитание в себе черт и характеристик «благородного мужа», который руководствуется принципами гуманности, почтительности, готовности к бесконечному познанию. «Благородный муж» — эталон аксиологической системы китайской ЯКМ, как и «совершенный мудрец».

Заключение

Жизнь человека в китайской ЯКМ — это движение (заметим, что движение, как мы установили в процессе анализа идиоматических выражений, должно быть поступательным). Однако и оно подчинено законам высшего порядка — законам судьбы. Человек в аспекте провиденциальности достаточно пассивен: в отличие от русской ЯКМ, он не должен выступать «кузнецом своего счастья», идя наперекор предначертанному.

В системе социальных отношений роль каждого человека определена ему с рождения. Жизнь должна быть прожита достойно; в этом случае память о благородных деяниях человека позволит ему избежать «социальной смерти». Смерть в китайской ЯКМ — обратная сторона жизни; горем и утратой она становится только в том случае, если индивиду не удалось воплотить в жизнь своих лучших качеств.

В определенном смысле жизнь для носителей китайского языкового сознания — это нравственный подвиг, требующий самовоспитания.

Рассмотренные нами параметры китайской ЯКМ составляют тот фонд знаний, который позволит нам приступить к осмыслению русской ЯКМ либо путем «сличения» ментальных пространств, либо путем элиминирования лакунов.

Список литературы

1. *Дойчер Г.* Сквозь зеркало языка. М.: АСТ, 2016.
2. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010.
4. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производственные национальных менталитетов. М., 2011.

5. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Иванченко Н.В. Особенности дискурса конфуцианства // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2014. № 2. С. 23—28.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

References

1. Doicher, G. 2016. *Skvoz' zerkalo yazyka*. Moscow: AST publ. Print. (In Russ.)
2. Gachev, G.D. 1988. *Natsional'nye obrazy mira*. Moscow: Sovetskii pisatel' publ. Print. (In Russ.)
3. Karaulov, Yu.N. 2010. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moscow. Print. (In Russ.)
4. Kornilov, O.A. 2011. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodstvennyye natsional'nykh mentalitetov*. Moscow. Print. (In Russ.)
5. Tan', Aoshuan. 2004. *Kitaiskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury publ. Print. (In Russ.)
6. Ivanchenko, N.V. 2014. "Osobennosti diskursa konfutsianstva". *Nauchnyi rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki* 2: 23—28. Print. (In Russ.)
7. Karasik, V.I. 2009. *Yazykovye klyuchi*. Moscow: Gnozis publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Люй Сыци — аспирант кафедры русского языка № 2 Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: lvsiqi@mail.ru

Полякова Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: lelya2008-72@mail.ru

Bio Notes:

Siqi Lu is a Post-graduate student of the Department of the Russian Language No. 2 Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: lvsiqi@mail.ru

Elena Viktorovna Polyakova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of the Russian Language No. 2 Institute of the Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: lelya2008-72@mail.ru